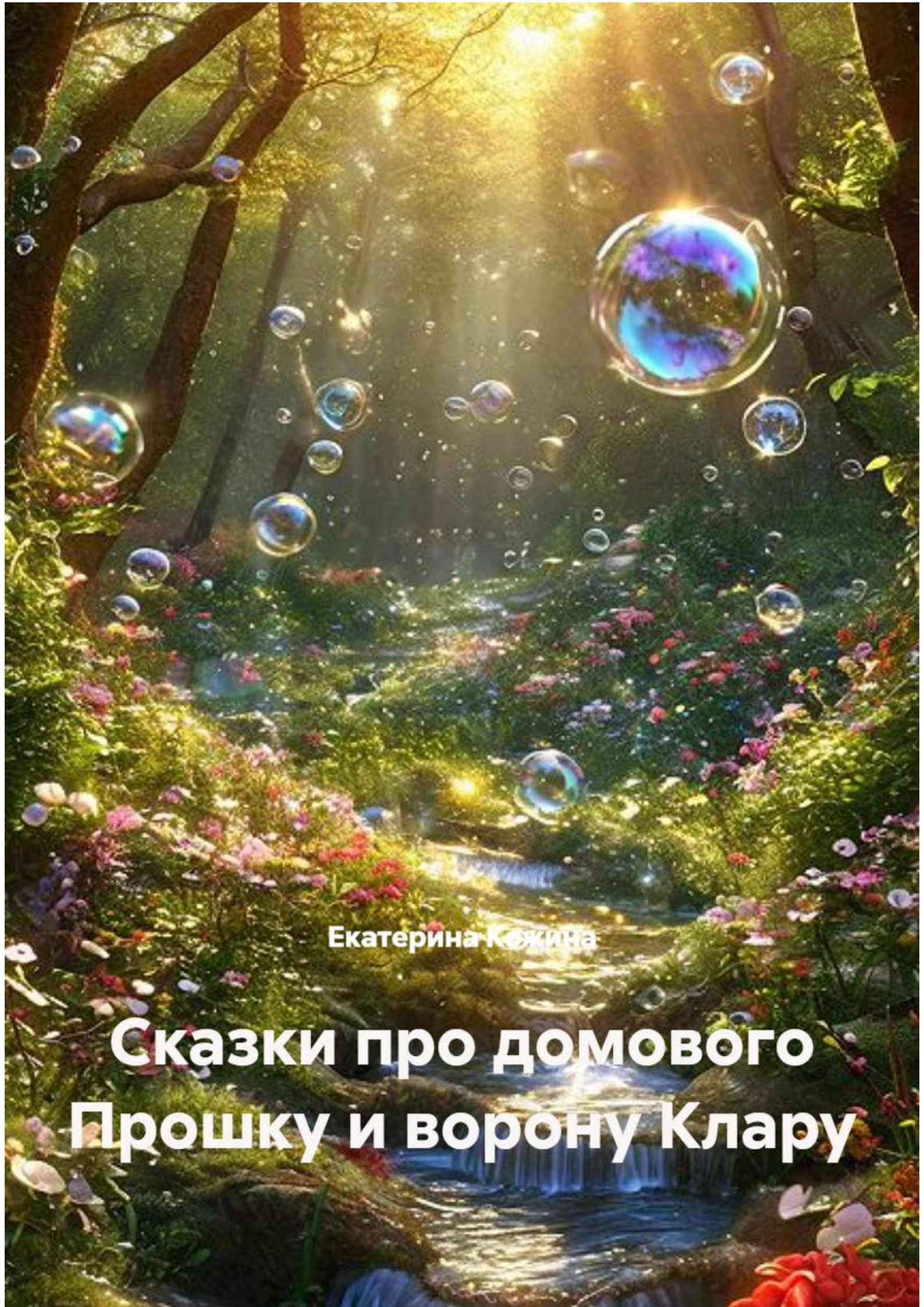

A vibrant, magical illustration of a forest scene. A small stream flows through the center, surrounded by lush greenery and colorful flowers. Numerous iridescent bubbles float in the air, reflecting the sunlight. The scene is bathed in warm, golden light, creating a dreamlike atmosphere.

Екатерина Кокина

Сказки про домового Прошку и ворону Клару

Екатерина Кожина

**Сказки про домового
Прошку и ворону Клару**

«Автор»

2026

Кожина Е.

Сказки про домового Прошку и ворону Клару / Е. Кожина —
«Автор», 2026

Сказки про ленивого домового Прошку и умную ворону Клару. О том что
любой недостаток можно превратить в достоинство.

© Кожина Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Как Прошка на работу устраивался	5
Прошка и медвежья спячка	7
Как Прошка Кикимору напугал	9
Ворона Клара доставку открыла	11
Ворона Клара и царь	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Екатерина Кожина

Сказки про домового Прошку и ворону Клару

Как Прошка на работу устраивался

В одной глухой таежной деревушке, в старой-престарой избе у самой опушки, жил-был Домовой по имени Прошка. Ростом он был с валенок, борода растрепанная, из сухих еловых иголок, а кафтан — весь в заплатках. И была у Прошки одна большая беда, которую он сам считал своим главным достоинством — невероятная, богатырская лень.

Другие домовые по ночам мышей гонят, посуду моют, половицы смазывают, чтобы не скрипели, а Прошка устроится на печи за трубой, свернется калачиком и спит по двадцать часов в сутки. Из-за его лени изба совсем захудала: крыша покосилась, мыши в подполе устроили собственный оркестр, а печка так заросла сажей, что дымила прямо в горницу. В конце концов, хозяева не выдержали, собрали сундуки и уехали жить в город.

Остался Прошка один в пустой, холодной избе. Полежал он день, полежал два — скучно. Да и брюхо подвело: караваев-то на столе больше никто не оставляет, молочка в блюдечко не наливает. Понял ленивец, что надо искать новую работу — устраиваться в жилой дом, где хозяева побогаче да каша погуще.

Собрал Прошка свой узелок из старого носка и побрел по деревне.

Приходит он к первому дому — к богатому Мельнику. Напросился на постой. Мельник мужик строгий, говорит:

— Ладно, Прошка, живи в амбаре. Но уговор: ночью будешь жернова караулить, муку от сырости беречь и крыс гонять. Коли справишься — утром тебе миска сметаны положена.

«Ну, это работа не для меня», — подумал Прошка. Первую же ночь он проспал на мешке с отрубями. Крысы тем временем прогрызли три новых мешка, а жернова от налипшей грязи встали. Утром Мельник рассвирепел, схватил метлу и погнал Прошку со двора:

— Лодырь! Тунеядец! Вон отсюда, чтоб я твоего носа больше не видел!

Поплелся Прошка дальше. Приходит к деревенскому Кузнецу. Кузнец — парень веселый, плечи в сажени, молотом машет, как пушинкой.

— О, Домовой! — обрадовался Кузнец. — Место у меня есть, за печкой тепло. Твоя задача простая: следи, чтобы угли в горне за ночь не гасли, да мехи поддувай, когда я на свете ковать начну.

В первую ночь Прошка честно пытался дежурить. Сел у горна, посмотрел на тлеющие угли... а они такие теплые, так убаюкивают! Заснул Прошка, да так сладко, что угли начисто погасли, а мехи он во сне вместо подушки использовал — всю кожу помял. Утром Кузнец пришел, схватился за голову: работы на целый день сорвано! Обиделся на Домового и выставил за порог.

Сидит Прошка на завалинке на краю деревни, узелок обнимает, плачет ленивыми слезами:

— Ох, пропал я, несчастный! Везде работать заставляют, лапами махать, ночью не спать. Неужто нет на свете такого места, где моя лень впрок пойдет?

Вдруг слышит — рядом кто-то тоненько так насвистывает. Огляделся — а на пенке сидит муравей Тимка (тот самый, что Макару ложки делал да в лесу интернет проводил). Тимка как раз мимо шел, новые чертежи в блокноте рисовал.

— Чего горюешь, борода из иголок? — спросил Тимка.

Рассказал ему Прошка про свою беду: и есть хочется, и работать лень. Тимка поправил свои очки из смолы, посмотрел на Домового, померил его линейкой от макушки до пяток и говорит:

— Твоя лень, Прошка — это не беда. Это просто неправильно используемый ресурс! Пойдем со мной, я знаю, где ты хозяином станешь.

Привел Тимка Домового на самую окраину, к новой избе, которую только-только построили для молодого Охотника. Охотник был парнем добрым, но до того суетливым и бедовым — ужас! Постоянно куда-то бежал, вещи терял, ружье забывал почистить, а в избе у него все ходуном ходило от вечной спешки.

— Вот, — шепчет Тимка Прошке. — Садись на печь и делай то, что умеешь лучше всего — ленись и замедляй пространство.

Прошка залез за трубу, свернулся калачиком и сладко заснул. И в тот же миг в избе Охотника случилось чудо! Весь этот сумасшедший вихрь и суeta вдруг утихли. Парень, который только что метался по горнице в поисках левого сапога, вдруг остановился, зевнул, присел на лавку и спокойно вспомнил, что сапог-то под крыльцом оставил.

А все потому, что Прошкина великая, густая лень, накопленная годами, разлилась по избе невидимым теплым киселем. Прошка спал — а вещи в избе перестали падать. Прошка ленился — а каша в чугунке перестала выкипать, потому что огонь под влиянием домового тоже стал ленивым, медленным, и каша томила бережно. Даже мыши под полом, заразившись прошкинским настроением, перестали грызть плинтусы, а просто легли спать в норках под веселый храп из-за трубы.

Пришел Охотник вечером домой, сел к столу — в избе тишина, покой, каша упрела идеально, сапоги на месте. Душа радуется! Понял парень, что завелся у него правильный, мудрый Домовой. Налил он в расписное блюдечко жирного молока, положил краюху сладкого пирога и поставил за печку:

— Спасибо тебе, хозяйюшка, за порядок и покой в доме.

Прошка ночью проснулся, молоко выпил, пирог съел, усы облизал и думает: «Вот она, идеальная жизнь! Я сплю, а мне за это спасибо говорят. Прав был Тимка — главное, правильное место для своего таланта найти!».

С тех пор так они и жили. Охотник перестал суетиться и стал лучшим стрелком в округе, Тимка-муравей записал в блокнот формулу «Коэффициента Полезной Лени», а Прошка до сих пор спит на той печке, оберегая домашний уют своим великим и мудрым спокойствием.

Прошка и медвежья спячка

Наступил ноябрь, и в таежный край пришла настоящая зима. Охотник целыми днями пропадал в лесу — проверял капканы да тропы, а Домовой Прошка, как и полагается настоящему специалисту по уюту, безвылазно сидел на теплой печи и ленился за двоих. В избе стояла такая сонная благодать, что даже часы-ходики на стене тикали в два раза медленнее обычного, чтобы не нарушать тишину.

Но в один из морозных вечеров покой был безжалостно нарушен. Дверь избы с треском распахнулась, и в горницу ввалился... огромный бурый Медведь. Был он лохматый, сердитый и страшно злой. А все потому, что этот медведь оказался шатуном: летом он недобрал жиру, вовремя в берлогу не лег, а теперь у него бока мерзли, в животе урчало, и спать хотелось невыносимо, да никак не засыпалось.

Медведь заревел на всю избу, стал крушить лавки и реветь дурным голосом:

— Р-р-р! Холодно мне! Скучно мне! Негде спать, всех заломая!

Охотника дома не было. Прошка высунул нос из-за трубы, посмотрел на этот разгром и страшно возмутился. Чтобы в его идеальном, ленивом царстве так шумели и ломали мебель?! Это было прямым нарушением всех инструкций!

Силой против косилапого великана Прошка выйти, конечно, не мог — ростом-то с валежков. Но у Домового было оружие помощнее кулаков — его великий Потенциал Спокойствия.

— Эй, Топтыгин! — крикнул Прошка с печи. — Чего орешь, спать мешаешь? Коли пришел в гости, так веди себя прилично. Садись к печке, в ногах правды нет.

Медведь от удивления аж реветь перестал. Сел на пол, уставился на маленького бородача. А Прошка не спеша слез с печи, подошел к медведю (тот под его ленивым взглядом даже лапой махнуть забыл) и набросил ему на нос старое, пахнущее хвойным дымом одеяло.

— На-ка вот, укутайся, — зевая, сказал Прошка. — И слушай меня внимательно. Будешь шуметь — каши не получу ни я, ни ты. А будешь лежать смирно — я тебе такой сон организую, какого ты с самого детства не видел.

Медведь понюхал одеяло, вздохнул тяжело и прилег у теплого печного бока. Прошка залез обратно на печь, устроился поудобнее и включил свою «Лень» на самую полную мощность.

Он стал транслировать наружу не просто спокойствие, а настоящую, концентрированную Зимнюю Спячку. Прошка закрыл глаза и стал мысленно представлять, как тихо-тихо падает пушистый снег, как укрывает он деревья белыми шубами, как засыпает под корягой старый барсук, и как сладко-сладко сосать лапу в теплой, уютной берлоге, где не дует ветер.

Через пять минут медвежий шатун перестал бурчать. Через десять — его огромные веки стали тяжелыми, как амбарные замки. Густая, убаюкивающая лень Прошки окутала медведя, словно мягкое пуховое одеяло. Косолапый зевнул так, что чуть избу не перевернул, поудобнее уткнулся носом в лапу и... захрапел на все лады. Да так сладко, что у него на морде даже улыбка медвежья появилась.

Когда Охотник поздно вечером вернулся с промысла, он застыл на пороге с ружьем наперевес. Посреди горницы, свернувшись огромным калачиком, мирно спал спячкой праведника огромный лесной медведь, а из-за печной трубы раздавался мерный, довольный храп Прошки.

— Тише ты, не шуми, — прошептал Тимка-муравей, который как раз зашел через щель в полу замерить уровень уюта. — Прошка у нас теперь не просто Домовой, он у нас — Главный Лесной Сомнолог. Настроил мишке биологические часы без всяких лекарств.

Охотник ружье опустил, шапку снял и тихонько прошел к столу. Медведя будить не стали — будить спящего шатуна себе дороже. Так он в тепле и уюте, под прошкинским присмотром, всю зиму на полу и проспал. А в марте, когда первые ручьи побежали, Прошка чуть ослабил свою лень, мишка проснулся, сытый, довольный, поблагодарил хозяев вежливым урчанием и тихонько ушел обратно в тайгу.

С тех пор в лесу установился строгий порядок: если какой медведь осенью заснуть не мог, он не по деревьям хулиганить шел, а тихонько ложился под окошко к Охотнику. Прошка с печи разок зевал, пускал волну дремоты — и косолапый тут же засыпал до самой весны прямо в сугробе. И все в тайге поняли: настоящая, правильная лень — это великая сила, которая может даже дикого зверя укротить и в лесу идеальный порядок навести!

Как Прошка Кикимору напугал

К концу зимы в избе Охотника воцарился такой покой, что пыль на подоконниках укладывалась по линейке, а паук в углу ленился плести паутину и просто развешивал ниточки для красоты. Но в один прекрасный день Охотник привез с дальнего лесного рынка подарок для дома — резное зеркало в раме из болотного дуба. Зеркало было красивое, да только вместе с ним в избу приехала незваная гостья — Кикимора Болотная по имени Акулина.

Акулина была ростом с кочергу, носила сарафан из сухой осоки, а характер имела суетливый и до ужаса чистоплотный. Едва выбравшись из зеркала, она оглядела горницу, всплеснула лапками-лягушками и закричала на всю избу:

— Батюшки-светы! Что за запуск? Что за сонная лощина? Пыль не выбита, половицы не скребены, мыши в подполе жирные ходят — непуганые! Ну-ка, подъем! Устрою я вам сейчас генеральную уборку в три захода!

Схватила Акулина веник и давай им махать так, что пыль столбом поднялась. Закрутилась по избе, ведрами гремит, тряпками шлепает, половицами скрипит.

Прошка на печи от такого шума проснулся, закашлялся от пыли и за сердце схватился. Его идеальный, ленивый уклад жизни, его сонная инженерия рушились на глазах! Часы-ходики на стене от кикиморской суеты испугались и начали тикать в три раза быстрее, как сумасшедшие.

«Ну, зеленая, — насупился Прошка, — чистоту я уважаю, но суету в моем доме разводить не позволю. Будем принимать меры».

Слезать с печи Прошке было лень, поэтому он решил действовать дистанционно — своим фирменным методом «Абсолютного Замедления».

Кикимора Акулина как раз схватила большую половую тряпку, макнула ее в ведро и приготавлилась тереть порог. Но стоило ей замахнуться, как Прошка за трубой сладко, со вкусом зевнул и потянулся.

В тот же миг воздух в избе стал густым, как черничный кисель. Акулина замахнулась тряпкой... да так и застыла в воздухе. Хочет лапкой двинуть — а лапка еле-еле, как в замедленном сне, опускается. Вода из ведра, которую она расплескала, вместо того чтобы разлететься по полу, лениво, капля за каплей, повисла в воздухе, словно стеклянные бусины.

— Это... что... за... де... ла-а-а? — протянула Акулина. Ее веселый, быстрый голосок от прошкинской лени растянулся так, будто завыл старый волк на луну.

— Уборка — дело хорошее, — медленно, с расстановкой ответил Прошка с печи. — Но спешка нужна только при ловле блох. А у нас в избе к каждому делу надо подходить с уважением. Пылинку — ее ведь сначала понять надо, куда она летит, зачем садится... Куда торопиться? Присядь. Поленись часок-другой.

Кикимора попробовала было разозлиться, но великое Прошкино спокойствие уже просочилось в ее сарафан из осоки. Осока обмякла, лапки у Акулины отяжелели. Тряпка плавно выпала из рук и тихонько легла на пол. Кикимора опустила на лавку, глаза у нее начали слипаться, а в голове вместо мыслей о мытье окон поплыли ленивые болотные туманы и теплое урчание сытых жаб.

— Ох... как у вас... хорошо-о-о... — прошептала Акулина, сползая по лавке. — Никуда... бежать... не надо... Полы... завтра... помою... или через год...

Через пятнадцать минут Кикимора уже сладко спала на лавке, подложив под голову веник вместо подушки. Часы на стене выдохнули и снова начали тикать чинно и благородно. Расплескавшиеся капли воды лениво опустились на пол, образовав спокойную лужицу.

Когда Охотник вернулся домой, он застал идеальную картину: в избе тишина, чистота (то, что Кикимора успела убрать, блестело), а сама болотная гостья тихонько похрапывает в углу, зараженная вирусом Прошкиной лени.

Тимка-муравей, который наблюдал за этой битвой из инженерного любопытства, записал в свой блокнот: *«Прошкин закон замедления работает даже на болотных аномалиях. Суeta побеждена покоем»*.

Акулина в избе так и осталась жить. Но Прошка ее воспитал правильно. Теперь она убиралась строго по расписанию — раз в месяц, да так тихо и не спеша, что одна комната у нее мылась по три дня. Зато качество было отменное, а в избе навсегда сохранился баланс: чистота — от Кикиморы, а тишина и великий, целебный покой — от мудрого Домового Прошки.

Ворона Клара доставку открыла

На самой старой, вековой сосне посреди тайги жила-была Ворона по имени Клара. Птица она была видная: перья глянцевые, клюв мощный, а главное — характер имела исключительно предприимчивый. Пока другие птицы просто так с ветки на ветку порхали да червяков считали, Клара изучала основы лесной экономики. Она твердо знала: в бизнесе главное — доставка и редкий товар.

Началось все с того, что Клара заметила: лесные жители постоянно чем-то недовольны. Белке вечно не хватает времени добежать до соседа за солью, Еж мается — тащить тяжелое яблоко на спине далеко, а кабан Борька вечно теряет свои любимые чесалки.

— Хаос! — каркнула Клара, поправляя на носу воображаемые очки.

Села она на сук и открыла первый в тайге *«Вороний Ломбард и Службу Быстрой Доставки Крыло-Экспресс»*.

Бизнес-план Клары был гениален и прост:

Если зверю срочно нужны были припасы, а зима на носу, он мог принести Кларе любую блестящую или полезную вещь (золотую пуговицу от купеческого кафтана, потерянную Макаром подкову или просто красивое стеклышко). Клара принимала вещь под залог и выдавала клиенту горсть сушеных кедровых орехов или сухарь.

За умеренную плату (в две брусничные ягодки с километра) Клара бралась доставить любое письмо или легкий груз в любой конец тайги быстрее, чем Сорока успеет разнести сплетни.

Первым клиентом стал Заяц-Хвастун. Прибежал он к сосне, уши дрожат:

— Клара, выручай! Заспорил с Волком, что принесу ему кочан капусты из совхозного огорода за полчаса. А огород-то за рекой, мост сломан! Если проиграю — Волк меня съест. Возьми в залог мою счастливую заячью лапку (вернее, пучок шерсти от нее)!

— Шерсть не принимаю, — строго ответила Клара. — А вот те часы-ходики, что ты у Охотника на крыльце подобрал, давай сюда.

Заяц притащил старые часы. Клара взмахнула крыльями, взмыла над лесом, перелетела реку,хватила с огорода самый спелый кочан и ровно через пятнадцать минут сбросила его прямо к носу удивленного Волка. Заяц был спасен, а кукушка из заложенных часов теперь каждый час исправно куковала Кларе точное время для отчетов.

Через неделю «Крыло-Экспресс» гремел на всю тайгу. Клара летала не покладая крыльев: Доставляла Белке свежие сплетни в письменном виде на бересте.

Носила Барсуку в нору целебные травы от радикулита.

Забирала у Водяного со дна озера старые монеты под залог сушеной рыбы.

Бизнес рос, и Клара поняла, что одной ей не справиться — крылья ломит, хвост отваливается. Нужен был партнер. И прилетела она к муравью Тимке — главному лесному инженеру.

— Тимка, — официально заявила Клара, приземлившись на его чертежный стол. — Моему предприятию нужно расширение. Мои крылья — это хорошо, но грузоподъемность хромает. Нужен транспорт!

Тимка подумал, покрутил в лапках линейку и согласился помочь. За два дня они разработали *«Аэро-Грузовик Кар-1»*. Это была большая корзина из ивовых прутьев, к которой Тимка приладил четыре больших воздушных шара, надутых болотным газом. А тягловой силой выступала стая из двенадцати молодых ворон, которых Клара наняла за регулярную плату в виде отборного зерна.

Теперь «Крыло-Экспресс» мог перевозить даже тяжелые грузы! Они возили бобрам бревна для плотины, доставляли Медведю в берлогу целые бочки с медом, а Кикиморе Акулине привезли из города новую швабру с турбонаддувом.

Сорока, глядя на этот триумф, пыталась устроиться в компанию курьером, но Клара ее не взяла из-за низкой дисциплины и склонности к разглашению коммерческой тайны. Сорока только обиженно летала вокруг и кричала:

— Подумаешь, бизнес! Вот наступит зима, вороны улетят на свалку к городу, и лопнет ваша доставка!

— Эх, Сорока, — укоризненно покачал головой Тимка-муравей. — У Клары стратегическое мышление. Мы уже заключили договор с Домовым Прошкой. Зимой, когда птицы будут отдыхать, Прошка запустит подземную санную доставку по мышьиным норам под воздействием своей сонной магии — грузы будут скользить сами собой!

У Клары в ломбарде к зиме скопилась целая коллекция лесных сокровищ. Но она не была жадной — на Новый год птица устроила для всех зверей огромную благотворительную елку. Из запасов ломбарда она раздала зайцам теплые варежки, лосям — соль-лизунец, а Тимке подарила настоящее увеличительное стекло, которое нашла на уездной дороге.

Так Ворона Клара доказала всему лесу, что правильная организация, смекалка и честный бизнес могут превратить суровую тайгу в самое удобное и дружное место на земле, где никто не пропадет, если у него есть хотя бы две брусничные ягодки на доставку!

Ворона Клара и царь

Бизнес у Вороны Клары шел так ходко, что ее компания «Крыло-Экспресс» открыла уже три филиала: на Козьем болоте у Кикиморы, под косогором у Водяного и прямо в огороде у Охотника. Но однажды утром на заветную сосну прилетел не обычный клиент, а лихой царский сокол в позолоченном шлеме.

Приземлился он на сук, гордо выпятил грудь и объявил:

— Ворона Клара! Назначена ты указом самого царя Еремея Главным Экспресс-Курьером Государственной Важности. Царь требует тебя к себе в стольный град на секретный доклад! Дело не терпит отлагательств!

Клара клюв почистила, перья расправила, усадила сокола в корзину «Аэро-Грузовика» и полетела во дворец.

Царь Еремей встретил Клару в малом кабинете, где на стенах висели карты, а на столе остывал чай с таежной малиной. Рядом сидел Макар — Главный Советник по Смекалке, чертил что-то угольком на бересте.

— Дело у меня к тебе, Клара, государственной важности и строжайшей тайны, — шепотом начал царь. — Через три дня у заморского султана Багдада день рождения. По завету предков я должен отправить ему наш главный таежный подарок — бочонок редчайшего липового меда от диких пчел с Синих скал. Но сухопутные дороги размыло дождями, а заморские пираты перекрыли речные пути. Если подарок не будет доставлен вовремя — случится международный скандал! Поможешь?

Клара поправила на носу свои невидимые очки, прикинула в уме расстояние, скорость ветра и грузоподъемность.

— Задача сложная, Ваше Величество. Обычные вороны до Багдада бочонок не дотащат — крылья отвалятся над пустыней. Но «Крыло-Экспресс» не знает слова «невозможно». Макар, подключай Тимку-муравья, нам нужна модернизация!

За одну ночь Тимка-муравей переоборудовал «Аэро-Грузовик Кар-1». Вместо обычных воздушных шаров он приладил к корзине огромный купол из тончайшего шелка, который подарил царь, а под куполом установил горелку на сосновой смоле. Получился настоящий маневренный дирижабль! А чтобы воронам-курьерам было легче лететь, Тимка прикрепил к бортам корзины два больших пропеллера из кленовых крылышек, соединенных педалями. Вороны летели в тепле, крутили лапками педали, а пропеллеры гнали дирижабль вперед пуще ветра.

На второй день Клара лично села за штурвал, погрузила царский бочонок меда и скомандовала: «От винта! От крыла!».

Полет был захватывающим!

Когда дирижабль летел над высокими скалами, на них попытались напасть дикие горные орлы, нанятые заморскими шпионами. Но Клара не растерялась. Она открыла клапан горелки, пустила струю густого соснового дыма, и орлы, раскашлявшись, улетели ни с чем.

Над синим морем ветер начал сносить дирижабль к пиратским кораблям. Пираты уже навели свои пушки на веселую корзину. Но тут Клара вспомнила про Тимкин секретный рычаг — она сбросила вниз пустой мешок, болотный газ вспыхнул ярче солнца, и дирижабль взмыл высоко в облака, став невидимым для пушкаррей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.